

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С Б О Р Н И К
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

XX

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961 ЛЕНИНГРАД

Коллекция с о. Гроуте Эйландт (Северная Австралия)

В. Р. Кабо

Фонды Музея Антропологии и Этнографии пополнились новой коллекцией № 6254, подаренной австралийским обществом молодежи (Eureka Youth League, Аделаида, Южная Австралия) и переданной для МАЭ главой австралийской делегации на VI Всемирном фестивале в Москве Чарльзом Брезланд 30 августа 1957 г.¹ Коллекция состоит из шести предметов: рисунок на коре, модель лодки, две гуделки и две обрядовые палочки. На вещах имеются этикетки с надписью: «Church Missionary Society. Groote Eylandt, Aboriginal Mission, Arnhem Land, N. T.» Характер этих вещей и украшающего их многоцветного орнамента подтверждает, что они происходят с о. Гроуте Эйландт, расположенного восточнее Арихмеленда (Северная Территория Австралии), в заливе Карпентария. Изготовление аборигенами изделий на продажу не мешает тому, что эти изделия полностью сохраняют свой традиционный облик. Следует отметить, что предметов такого типа до сих пор не имелось среди австралийских фондов МАЭ. Несмотря на свои скромные размеры, коллекция благодаря своей научной и художественной ценности заслуживает публикации и изучения.

Первое описание о. Гроуте Эйландт и ближайшей к нему части материка — западного побережья залива Карпентария — было дано Флиндерсом.² Сто лет спустя Уайт сообщил некоторые сведения об острове и населяющих его аборигенах.³ Но первое научное и всестороннее этнографическое и антропологическое исследование аборигенов о. Гроуте Эйландт произвел Норман Тиндаль в 1921—1922 гг.⁴ В 1935 г. Гроуте Эйландт посетил этнограф Дональд Томсон.⁵ Позднее на острове занимались этнографическими исследованиями П. Уорсли и Ф. Роз. В 1948 г. на острове работала американо-австралийская комплексная экспедиция, часть этнографо-археологических исследований которой вошла в первый том ее отчетов,⁶ а остальное публикуется во втором.

¹ Коллекцию сопровождает записка с приветствием, обращенным к советской молодежи: «Warm greetings of friendship from Eureka Youth League, Adelaide, South Australia».

² M. Flinders. Voyage to Terra Australia, 2, 1814, стр. 177.

³ G. White. Thirty Years in Tropical Australia, 1918, стр. 144—145.

⁴ N. B. Tindale. Natives of Groote Eylandt and of the West Coast of the Gulf of Carpentaria. Records of the South Australian Museum, t. 3, NN 1, 2. Adelaide, 1925—1926, стр. 61—134 (в дальнейшем: N. Tindale, 1925—1926).

⁵ D. F. Thomson. Interim General Report of preliminary expedition to Arnhem Land, 1935—1936. Canberra, 1936.

⁶ C. P. Mountford. Art, Myth and Symbolism. Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land, I. Melbourne, 1956 (в дальнейшем C. P. Mountford, 1956).

О. Грооте Эйландт и ближайшие к нему острова населяет небольшое племя ингура.⁷ По приблизительным подсчетам Тиндаля, во время его пребывания оно насчитывало немногим более трехсот человек, а во время пребывания Д. Томсона — около двухсот. Племя делилось на шесть локальных групп, и каждая из них называлась по имени местности, которую она населяла.⁸

Географически и культурно о. Грооте Эйландт примыкает к п-ову Арnhemленд, Северная Австралия. Остров составляет одно целое с Арnhemлендом, как областью Австралии, характеризующейся многими особенностями хозяйства и культуры. Острова, расположенные вблизи п-ова Арnhemленд, испытывают на себе заметное культурное влияние континента наряду с влиянием Индонезии и Новой Гвинеи.

Исходя из этого, в анализе предметов нашей коллекции предполагается сравнение с аналогичными произведениями аборигенов Арnhemленда, а затем и остальной Австралии. Наибольший интерес наши предметы представляют с художественной точки зрения. Поэтому необходим хотя бы краткий экскурс в область искусства австралийцев в целом.⁹

Наиболее распространенной на континенте формой искусства аборигенов являются условные композиции, непонятные без объяснения художника. Но в ряде мест Австралии, в том числе и в Арnhemленде, преобладает искусство, тяготеющее к реалистическому отображению действительности. Таковы прежде всего многочисленные наскальные изображения, а также рисунки на коре из Арnhemленда. В последних реалистическая тенденция сочетается с элементами условного искусства (образцом может служить рисунок на коре из нашей коллекции).

Характерная черта австралийского искусства — условность или символизм. Как правило, художник наполняет своим, известным только ему содержанием традиционные формы, и поэтому один и тот же геометрический мотив может означать самые различные вещи, понятия, идеи. В рисунках аборигенов Арnhemленда на коре символически при помощи плоскостей, заполненных параллельными и перекрещивающимися линиями, изображаются облака, из которых льет дождь, волны, разбивающиеся о скалы, морские водоросли, а в рисунках с о. Грооте Эйландт — так называемые тотемические ветры.

В противоположность этому типу искусства реалистическое искусство аборигенов стремится к возможно более правдивому и объективному изображению окружающего мира и явлений повседневной жизни. Это тяготение к объективности и целостности находит своеобразное воплощение в рисунках так называемого «рентгеновского стиля» (из Арnhemленда), где изображается не только внешний вид объекта (животного, например), но и некоторые особенности его анатомической структуры.

Для аборигенов Австралии искусство составляет часть их экономической, общественной и ритуальной жизни. Поэтому любой предмет, имеющий художественный интерес, необходимо рассматривать в его связях и отношениях с различными явлениями общественной жизни.

Арnhemленд является той областью Австралии, где искусство аборигенов расцвело наиболее ярко и дало свои наивысшие достижения в двух его замечательных формах: в наскальных изображениях и в рисунках

⁷ Так называет его Н. Тиндаль. Берндт называет его андиловка. См.: А. Р. Elkin and R. a. C. Berndt. Art in Arnhem Land. London-Melbourne, 1950, стр. 21 (в дальнейшем: А. Р. Elkin and R. a. C. Berndt, 1950).

⁸ N. B. Tindale, 1925—1926, стр. 64.

⁹ Автором подготовлен для печати очерк искусства аборигенов Австралии, где охарактеризованы наиболее заметные явления этого искусства.

на коре. Живописи на коре в разных частях Арnhemленда присущи свои особенности. Наглядное различие между живописью на коре из западного (Энпелли) и северо-восточного (Милингимби и Джирркалла) Арnhemленда состоит в том, что в первом случае художник оставляет свободные пространства между фигурами рисунка и вне их, тогда как в последнем вся поверхность коры заполнена сложным рисунком и сеткой разноцветных линий. Искусство о. Гроуте Эйландт по ряду своих особенностей стоит ближе к более удаленному от него географически искусству Энпелли. Так же как и в последнем, здесь оставляется свободное пространство между фигурами рисунка и вне их, как это мы видим на наших рисунках. Фон здесь часто черный, реже встречается красный, желтый или белый. В других двух областях фон рисунка почти всегда красный. Австралийская живопись на коре в настоящее время многими авторами признана одной из самых выдающихся форм примитивного искусства.

Наряду с указанными двумя главными видами изобразительного искусства следует подчеркнуть также, что в Арnhemленде очень развито прикладное искусство. Таково прежде всего художественное оформление различных изделий полезного или ритуального назначения. Кроме рисунка на коре, все предметы нашей коллекции представляют интерес именно как образцы прикладного искусства. Последнее тоже обладает своими местными особенностями. В одном из его стилей оформлены антропоморфные скульптуры из северо-восточного Арnhemленда, нетипичные для остальной Австралии. Об этих скульптурах нам придется еще говорить в дальнейшем.

Повсеместно употребляемыми в Австралии красками являются красная, желтая, черная и белая. Поэтому и островитяне Гроуте Эйландт, подобно прочим австралийцам, употребляют и имеют названия только для четырех цветов: красного, желтого, белого и черного. Три краски добываются на острове, а именно: белая, разновидность каолина, называемая *тонгура*, желтая, лимонит, называемая *отарак*, и черная, *удумач*, смесь окиси марганца и глины, называемая *вад*. (В отличие от этого на северо-восточном берегу материка, в Джирркалла, черная краска состоит из древесного угля, смешанного с водой.) Красная краска, красный железняк, который на о. Гроуте Эйландт называют *марувура*, получается путем меновой торговли с материка. Племя рембарунга, которое добывает этот материал и распространяет его среди многих других племен, называет его *меравонги*. Красная краска (она бывает различных оттенков) очень ценится на острове и широко используется для окраски утвари, оружия, ритуальных предметов, лодок, украшений и человеческих тел. Минеральные краски растираются в порошок на плоском камне, а затем смешиваются с водой в сосуде из раковины или коры или на том же камне. Вместо воды и в качестве фиксатива применяются часто растертые мясистые стебли или луковицы орхидеи (*Dendrobium*). Кистями служат палочки, размочаленные на одном конце, полоски коры, волокна пальмового листа, перья или человеческие волосы. Полоской коры проводятся широкие линии, цилиндрической палочкой делаются точки. Самыми тонкими кистями наносится решетчатый орнамент и ломаные и параллельные линии, характерные для искусства ингура. Краски нередко смешивают между собой, чтобы получить различные оттенки. На всех предметах сначала делается фон — красный, черный или желтый, а потом уже наносится разноцветный орнамент.

Тиндаль рассказывает еще об одном виде искусства ингура — рисовании на земле — обычном времяпрепровождении вечером вокруг лагерного костра. Делая наброски охоты или рыбной ловли, художник в то же

время рассказывает о событиях, которые он изображает. Рисунки делаются и под укрытиями скал, и на стенах или кровле каждой хижины из коры, в которой аборигены проводят некоторое время в течение года. Главные сюжеты рисунков ингура в пещерах и на хижинах — лодки, идущие под парусом, дюгоны, черепахи, рыбы, группы человеческих фигур и охотничьи сцены.¹⁰ Мы видим, таким образом, что бесписьменные народы испытывают потребность в рисовании и развивают в этом направлении большие художественные способности.

Как отмечает Л. Адам, искусство о. Гроуте Эйландт особенно интересно своей красочностью и удивительным разнообразием стилей, обязанным большому числу художников. Наиболее выдающиеся художники, живущие сейчас на острове, — Тимунду, Папатама, Мини-Мини, и так как каждый из них обладает своим индивидуальным стилем и своей техникой, нетрудно сказать, кому из них принадлежит тот или иной рисунок на коре.¹¹ В книге Маунтфорда можно видеть фотографию Нангалиана; он и его родственники Таталара и Джакалиаура являются также выдающимися живописцами о. Гроуте Эйландт.¹²

Вспоминается замечательная школа живописи в Германисбурге, Центральной Австралии. Она возникла и развивалась под влиянием европейского искусства, но ее высоко одаренные представители (Наматьира, его сыновья и другие художники из племени аранда) показали, какие художественные задатки таятся в недрах этого талантливого народа и ждут своего развития.

На человека, наблюдающего за работой художника-аборигена, производит впечатление его уверенность. Он редко изменяет или исправляет свой рисунок. Кажется, что, начиная работать, он имеет в голове уже законченную картину.

Одна из особенностей художественных стилей Арnhemленда состоит в том, что формальные элементы здесь сочетаются с реалистическими. В первых преобладают перекрещивающиеся и параллельные линии. Наряду с этим на Гроуте Эйландт применяется точечная техника, напоминающая центральноавстралийскую. В отличие от центральноавстралийского искусства здесь, в Арnhemленде, наблюдается больше свободы и изобретательности в творческих поисках. Характерные для Арnhemленда перекрещивающиеся разноцветные линии, так называемый решетчатый орнамент, украшают здесь и рисунки на коре, и предметы культа на материке и на Гроуте Эйландт, и копья, и палицы, и корзины из коры, и браслеты, и надмогильные столбы с о-вов Бэсерст и Мелвил, и вырезанные из дерева человеческие фигуры на крайнем северо-востоке Арnhemленда (а для северо-востока страны этот орнамент особенно типичен).

Решетчатый орнамент в Северной Австралии состоит из двух рядов параллельных линий, каждый ряд другого цвета, и эти ряды пересекаются под более или менее прямым углом. В некоторых случаях все линии бывают одного цвета, но чаще различного, обычно белого и желтого. На красном или черном фоне они производят поразительный живописный эффект. Таковы все предметы нашей коллекции. Цветовые эффекты, производимые светлыми линиями на темном фоне, — яркое проявление эстетического импульса.

¹⁰ N. B. Tindale, 1925—1926, стр. 116—119. На рис. 62, стр. 118 изображен абориген, рисующий на оружии и коре. На рис. 64, а, в (стр. 138) — рисунки на двух сторонах плоского куска железного дерева (черепаха и ящерица).

¹¹ L. A. d a m. Primitive Art. Melbourne—London, 1954, стр. 156 и сл. (в дальнейшем: L. A. d a m, 1954).

¹² C. P. M o u n t f o r d, 1956.

В книге А. Элькина и супругов Берндт «Искусство в Арnhemленде» много образцов различных предметов и рисунков на коре, которые показывают широко использование решетчатого орнамента. В великолепном альбоме произведений искусства аборигенов Арnhemленда, изданном ЮНЕСКО в серии памятников мирового искусства,¹³ мы находим в рисунках на коре из Милингимби и Джирркалла тот же фон, заполненный перекрещивающимися разноцветными линиями. На рисунках на коре из Каледон Бэй, северо-восточный Арnhemленд, и из Эппелли, северо-западный Арnhemленд, решеткой заштрихованы изображения мифического человека-кенгуру, духа и морских животных. Тот же орнамент мы встретим в нашей коллекции с о. Гроте Эйландт на всех предметах, а на рисунке на коре, кроме того, еще другой, типичный для Гроте Эйландт орнамент — черточки и точки. В альбоме ЮНЕСКО рисунки на коре с о. Гроте Эйландт, где изображены крабы, созвездие Орiona и Плеяды (табл. 30) сделаны в этой же традиции: поля, на которые делятся изображаемые предметы, заполнены разноцветными черточками и точками.

На острове орнаментируется каждый полезный и ритуальный предмет. В книге Л. Адама «Примитивное искусство» на табл. 32 показан типичный орнамент, который используется на деревянных изделиях. На табл. 31 мы видим каменный топор с раскрашенной деревянной рукояткой.

Любимые цвета аборигенов Гроте Эйландт — черный и красный; на этот фон наносится орнамент, состоящий из тонких линий, преимущественно белых и желтых. Все предметы нашей коллекции имеют черный фон. На острове имеется много вариантов орнамента, но преобладают решетчатый и «в елку». Геометрический орнамент иногда сочетается с более или менее реалистическим изображением, как в нашей коллекции в рисунке на коре и на гуделке с чертами человеческого лица.

Маунтфорд отмечает, что изоляция острова привела к некоторым особенностям его культуры, в частности в орнаментике, а именно к ограниченному употреблению решетчатого орнамента.¹⁴ В действительности же такой орнамент широко применяется на деревянных изделиях, как видно уже из коллекции МАЭ, которой посвящена наша работа. Это сближает искусство острова и материка, где применяется тот же тип орнаментации деревянных изделий, как это видно из многочисленных иллюстраций в книге Маунтфорда; достаточно только сравнить фотографии предметов нашей коллекции и фотографии различных деревянных изделий из Арnhemленда у Маунтфорда.¹⁵ Сравнивая весла из Гроте Эйландт (табл. 145) с такими же веслами из Джирркалла (табл. 109), мы находим и в изображении объектов, и в стиле орнаментации очень много общего. Так же орнаментированы копьёметалки из Гроте Эйландт (там же, табл. 146). Изоляцию Гроте Эйландт не следует преувеличивать. Достаточно вспомнить, например, о развитой меновой торговле между материком и островом, главным предметом которой является красная охра, доставляемая с материка, высоко ценимая и широко применяемая на острове.

¹³ Australia. Aboriginal Paintings. Arnhem Land. Unesco World Art Series, vol. III. New York, 1954.

¹⁴ С. Р. Маунтфорд, 1956, стр. 104—106.

¹⁵ Так, например, орнаментированные весла из Джирркалла (табл. 109) интересно сравнить с веслами модели лодки из коллекции МАЭ (№ 6254-2) и с веслами Гроте Эйландт у Маунтфорда (С. Р. Маунтфорд, 1956, табл. 145). Правда, на веслах из Джирркалла много различных изображений, в том числе мифических существ. Ср. с предметами нашей коллекции другие изделия из Арnhemленда (С. Р. Маунтфорд, 1956, табл. 102—105, 128, 130, 131, 133, 134, 138 и др.).

Островитяне рисуют не только для удовольствия или пояснения рассказа; иногда рисунки животных, индонезийских судов и т. д. используются для наглядного обучения детей.

Экспедиция, возглавляемая Маунтфордом, собрала на острове большое количество рисунков на коре. Некоторая часть этих рисунков посвящена повседневной жизни, большинство иллюстрирует тотемические истории, в которых излагаются подвиги мифических предков, эпизоды сотворения ими Земли, живых существ, явлений природы. От художников Маунтфорд слышал мифы и песни, относящиеся к каждому рисунку, а в некоторых случаях видел и тотемические места на острове. Он был свидетелем тотемической церемонии *аравалтья* и видел, как верования «увечиваются в песне, мифе, ритуале и искусстве».¹⁶ Наряду с тотемом соответствующие песни, рассказы и рисунки являются собственностью тотемической группы.¹⁷

Большой интерес представляют в книге Маунтфорда рисунки небесных тел на коре с о. Гроуте Эйландт и с материка (Джирркалла, Милингимби и Энпелли).

Ф. Роз, систематизируя главные типы искусства на Гроуте Эйландт, отмечает, что рисунки на оружии почти никогда не имеют магико-религиозного значения и их никогда не называют *миндья* — словом, имеющим магико-религиозный смысл и применяемым к другим типам искусства. Так, *миндья* называются многие рисунки на теле, которые делаются в важных случаях жизни (при погребальной церемонии и в знак траура, при церемонии обрезания и в других случаях).

Замечательные образцы искусства островитян — это изображения на скалах. Ф. Роз, который посетил некоторые из этих мест, предполагал, что на острове есть еще многие другие районы, богатые наскальными изображениями. Впоследствии их исследовала экспедиция Маунтфорда и Маккарти, но возможно, что остались еще необнаруженные места с петроглифами. Роз считает, что эти изображения были сделаны двумя народами в разное время: ранние и более грубые — пришельцами с материка, позднейшие и более тонкие — аборигенами Гроуте Эйландт.¹⁸ Рисунки на коре, в свою очередь, представляют интересную параллель изображениям на скалах.

Д. С. Дэвидсон при помощи картографического метода показал распространение различных орнаментальных стилей в австралийском искусстве. Как показывают его карты, некоторые из этих орнаментов представлены и на о. Гроуте Эйландт и в других местах Австралии. Орнамент «в елку» распространен на юго-востоке, северо-западе и отчасти юге Австралии, в западном и отчасти восточном Арnhemленде и на Гроуте Эйландт.¹⁹ Распространение решетчатого орнамента: Юго-Восточная Австралия, Кимберли и Северная Австралия (включая о-ва Гроуте Эйландт, Мелвил и Бэсерст).²⁰ Большие перекрещивающиеся линии (в сущности, вариант решетчатого стиля) спорадически встречаются в восточной части континента, на северо-востоке (в том числе на Гроуте Эйландт) на веслах и копьеметалках, в северо-западном и юго-восточном Квинсленде — на

¹⁶ С. Р. Mountford, 1956, стр. 20—21.

¹⁷ Там же, стр. 24—25.

¹⁸ F. Rose. Paintings of the Groote Eylandt Aborigines. Oceania, т. 13, № 2, 1942, стр. 170—176.

¹⁹ D. S. Davidson. A Preliminary Consideration of Aboriginal Australian decorative Art. Memoirs of the Amer. Philosophic. Soc. vol. IX. Philadelphia, 1937, стр. 117, рис. 84 (в дальнейшем: D. S. Davidson, 1937).

²⁰ Там же, стр. 128, рис. 88.

гуделках и чурингах и в Виктории — на щитах.²¹ Точки, чаще всего белые, находим в самых различных районах, например в Западной Австралии, на северном и восточном берегах Арnhemленда и в других местах Северной Территории, в том числе и на Гроуте Эйландт.²²

Мы видим, что из перечисленных видов орнамента два наиболее характерных распространены одинаково в районах, где известно много других совпадений в культуре и искусстве, т. е. на юго-востоке и на северо-западе континента, а также на севере, в Арnhemленде, включая о. Гроуте Эйландт.

Р и с у н о к н а к о р е

Колл. № 6254-1. Четырехугольный кусок волокнистой коры эвкалипта (вероятно, *Eucalyptus tetradonta*), одна сторона которого окрашена в черный цвет (рис. 1). На черном фоне красной, белой и желтой красками сделан рисунок, изображающий хижину, три дерева и грядки для овощей или цветов. Длина коры 44 см, ширина 25—28 см.

Коллекция поступила в музей без каких-либо сведений, объясняющих сущность или функции предметов. Неясным было и содержание рисунка на коре. Поэтому я обратился к д-ру Л. Адаму — куратору университетского этнографического музея в Мельбурне — за консультацией и послал ему фотографию рисунка. Д-р Адам (пользуюсь здесь случаем, чтобы выразить ему свою благодарность) ответил, что в центре рисунка между деревьями изображена туземная хижина, показанная в профиль. Она построена из прямоугольных листов коры эвкалипта, на рисунке покрытых геометрическим орнаментом. Это такие же листы коры, как и тот, на котором сделан наш рисунок. На стенах этих хижин и делаются подобные рисунки.

Длинные параллельные линии внизу под хижинкой с короткими черточками, как пишет д-р Адам, изображают огороды с грядками для овощей и цветов. Для сравнения д-р Адам обращает внимание на рисунок на коре (табл. 31 его книги «Примитивное искусство»), где огороды в Умба-Кумба (местность на острове) изображены совершенно так же. Это объяснение линий, изображающих огороды, сообщил д-ру Адаму Ф. Грей, миссионер, живущий на Гроуте Эйландт.

«Ваш рисунок, — пишет д-р Адам в своем письме, — как показывает техника, не очень стар, но это хороший образец примитивного пейзажа, не совсем натуралистического, но отчасти символического. Черный фон преобладает в искусстве Гроуте Эйландт, особенно в рисунках последнего времени, тогда как красный, белый или желтый фон встречается в некоторых старых образцах живописи на коре, сделанных от 12 до 25 лет назад».

Как отметил д-р Адам, наш рисунок представляет собою образец примитивного пейзажа со всеми его характерными особенностями. Он ограничивается двумя измерениями — длиной и шириной. В нем нет глубины или перспективы; все детали картины остаются в одном плане. А. Хэддон отмечает, что карты, планы, диаграммы, своего рода виды с птичьего полета, которые встречаются в искусстве некоторых племен, служат, очевидно, «мнемоническим или директивным целям».²³ Такие иллюстри-

²¹ Там же, стр. 130.

²² Там же, стр. 132.

²³ А. С. Хэддон. *Evolution in Art*. London, 1895, стр. 124—125 (в дальнейшем: А. С. Хэддон, 1895).

рованные карты встречаются у австралийцев (вспомним рисунок на коре из Виктории у Б. Смита)²⁴ и у индейцев обеих Америк. По мнению Л. Адама, их нельзя считать пейзажами; пейзажи, как он пишет, очень редки в примитивном искусстве.²⁵ Однако, как мы видим, пейзажи свойственны не только развитому искусству. Хотя и редко, но они встречаются и в примитивном искусстве.²⁶ Перед нами образец настоящего пейзажа, сделанного австралийским аборигеном.

Бродячая жизнь островитян, как ее описывает Н. Тиндаль, мешала им строить постоянные жилища. Обычно ставился заслон от ветра, палки наклонно втыкались в землю, и на них клались куски коры. Аборигены спали под защитой заслона в углублениях, вырытых в земле, а между ними горели костры.

Но в сезон муссонов, когда пищи достаточно, а бродить плохо, строились хижинки, и аборигены жили в них несколько недель или месяцев. Эти хижинки выглядели и строились совершенно так же, как и хижинки, в которых живут сейчас аборигены на материке. В книге Маунтфорда есть фотография одной из тех хижин, которые воздвигаются в Арнхемленде в сезон дождей и стены которых в этот период становятся картинными галереями аборигенов.²⁷ Строятся эти хижинки очень примитивно. В землю втыкаются палки, на развилки из сучьев горизонтально кладутся длинные жерди, а на них — большие куски коры, которые свисают до земли и образуют кровлю и стены. Именно такая хижина изображена на куске коры из нашей коллекции. Ллойд Уорнер описывает подобную хижину из коры, построенную на участке земли, отведенном для религиозных церемоний. Ее внутренние стены были покрыты реалистическими и геометрическими рисунками, изображающими историю мифических сестер Ваувелак.²⁸ Б. Спенсер впервые обратил внимание на рисунки на внутренних стенах хижин из коры в Энпелли.²⁹ Хижинки аборигенов Грооте Эйландт, по описанию Тиндаля, представляли собою длинные и низкие укрытия из коры, поддерживаемой конструкцией из столбов и жердей, и вмещали от одного до тридцати и более человек. И здесь между спящими горели маленькие костры. Если земля внутри хижины делалась влажной, аборигены клали на нее шесты, покрывали их листьями коры и ложились на них. Стены и кровля делались из четырехугольных листов коры эвкалипта (*Eucalyptus tetradonta*) красновато-коричневого цвета с более или менее гладкой поверхностью. С течением времени стены и кровля хижинки покрывались набросками и рисунками.³⁰ Это продолжалось с первой недели декабря до конца марта.

Четырехугольные куски коры с рисунками островитян бывают разных размеров. Два самых больших имеют величину 115.5×41 см и 109×60 см, а самые маленькие — 44.5×29 см (как и наш экземпляр).³¹ Их очертания не всегда строго прямоугольны.

²⁴ R. B. Smith. The Aborigines of Victoria, vol. I. London—Melbourne, 1878, стр. 292.

²⁵ L. Adam, 1954, стр. 45.

²⁶ Дети очень любят рисовать такие же элементарные пейзажи. Делают они это, по-видимому, без влияния искусства взрослых.

²⁷ C. P. Mountford, 1956, стр. 9, табл. 3А.

²⁸ W. L. Warner. A. Black Civilization. New York—London, 1937, стр. 318.

²⁹ B. Spencer. Wanderings in Wild Australia, 2, 1928, стр. 792—794.

³⁰ N. B. Tindale, 1925—1926, стр. 113—115. На стр. 114 приведены фотографии хижин. Мы можем узнать их в нашем рисунке на коре.

³¹ L. Adam. The Bark Paintings of Groote Eylandt in the Melbourne University Collection. «Südseestudien», Gedenkschrift zur Erinnerung an Felix Speiser. Basel, 1951, стр. 165 (в дальнейшем: L. Adam, 1951).

Подобные листы коры используются и в настоящее время в первую очередь как строительный материал. После снятия с дерева при помощи топора и деревянного или каменного клина они, естественно, имеют искривленную поверхность, сохраняя форму ствола. Их надо выпрямить, пока листы еще податливы. Для этого их сначала размягчают, увлажняя водой или нагревая над огнем. Поэтому многие картины ингура имеют на обратной стороне подпалины, обожженные места. Имеет их и картина из нашей коллекции. Затем кусок коры распрямляют на земле, положив на него тяжелые камни, пока он не высохнет на солнце. Этим же методом ингура готовят и выравнивают кору для лодок.³² Кора используется и для многих других поделок.

Ни одна картина ингура не сделана на чистом, не окрашенном куске коры, но всегда на каком-либо цветном фоне. Иногда разные части или секции одного листа коры окрашиваются в разные цвета.

В технике нашего рисунка сочетаются три приема, свойственных искусству ингура: длинные параллельные линии (на нашем рисунке — контуры предметов), решетчатый орнамент (стены хижин) и короткие черточки или прерывистые линии. Заполнение пространства такими бесчисленными черточками характерно для трех художников, представленных в коллекциях Австралийского музея в Сиднее: Гульпитья, Мангогуна и Нангапиана. Целиком этим способом в нашей коллекции орнаментирована только лицевая сторона гуделки с антропоморфным изображением. Другая особенность названных художников состоит в том, что они предпочитают работать только на черном фоне. Мини-Мини, чьи работы хранятся в коллекциях Мельбурнского университета, применяет в работе различные приемы.³³ Таков и наш рисунок на коре.³⁴

Значение нашего рисунка повествовательное и декоративное, но не религиозное или символическое. На западе модно убеждение, что примитивное искусство всегда «ритуально» или имеет «магикорелигиозное» значение. Л. Адам указывает на опровержение подобного воззрения самой живописью на коре ингура и других племен Арnhemленда, которая обнаруживает разнообразие функций.³⁵

Ингура, как пишет Тиндаль, рисовали во время «вынужденного безделья», в сезон дождей. Большинство рисунков на коре делалось на кровле хижины, когда художник лежал на спине. В этих рисунках нет ничего священного, таинственного. Их видели все, кто жил в хижине, и они не использовались в ритуале. На них могут быть изображены предметы культа, тотемические символы и т. д., и, несмотря на это, рисунки остаются нерелигиозными. Это, между прочим, существенно отличает искусство Гроуте Эйландт от искусства северо-восточного Арnhemленда и сближает его с искусством западного Арnhemленда.

Рисунки ингура нередко имеют дидактический характер, делаются с образовательной целью; с их помощью, как отмечено выше, обучают детей. Большое количество рисунков посвящено историческим событиям, о которых они должны напоминать; их функцию Л. Адам называет историкографической.³⁶ Л. Адам не отмечает еще одну немаловажную функцию некоторых рисунков ингура — мифологическую, т. е. иллюстрацию мифов.

³² N. B. Tindale, 1925—1926, стр. 103.

³³ L. A d a m, 1951, стр. 169.

³⁴ Декоративный стиль, состоящий из разноцветных штрихов, иногда в соединении с решеткой, который Л. Адам называет «филигранным», по его мнению, проник на остров, где он широко применяется, с материка.

³⁵ L. A d a m, 1951, стр. 170.

³⁶ Там же, стр. 172—173.

К этой группе можно отнести многие рисунки, собранные американо-австралийской экспедицией и помещенные в книге Маунтфорда «Искусство, миф и символизм», в частности изображение созвездий.

Как все искусство австралийцев в целом, так и искусство ингура, с точки зрения его типов, можно разделить на две главные группы: искусство, передающее изображения в условной форме, и искусство предметное или реалистическое. Говоря об искусстве условном, мы вкладываем в это понятие в данном случае специфическое содержание. Здесь, на Гроде Эйландт, это прежде всего геометрическая орнаментация таких предметов, как большие деревянные наконечники копий с зубцами, копьеметалки, палицы, курительные трубки, танцевальные жезлы, ритуальные и музыкальные инструменты, весла и т. д. Точно так же разрисовываются человеческие тела в церемониальных целях. В живописи на коре условность сочетается с реализмом, когда геометрически орнаментируются изображаемые объекты, которые в действительности не имеют такого орнамента, как например животные, паруса, хижины аборигенов. Наш рисунок на коре является прекрасным примером. В действительности хижины не имеют такого орнамента. В изображении огородов, переданных геометрически условно, сохранена только идея длинных грядок. Так же изображены и деревья.

Интересный пример символизма в живописи ингура — изображение тотемических ветров в виде парусов индонезийских прау.

Реалистически ингура изображают главным образом животных, местные и чужеземные суда, полезные и ритуальные предметы, небесные тела, людей. Объекты изображаются чаще всего в профиль или как бы наблюдаемыми сверху и значительно реже фронтально. Здесь отсутствует интеллектуальный реализм и «рентгеновский» стиль, свойственный Арнхемленду. Нет здесь и комбинации вида в профиль и сверху, характерной для искусства племени какаду (северо-западный Арнхемленд). Художники Гроде Эйландт, по-видимому, ясно различают эти два аспекта. Однако, как это видно на рисунке из нашей коллекции, первобытный реализм ингура ограничивается контурами предметов, а пространства внутри контуров заполнены условным геометрическим орнаментом.

Ингура рисуют иногда людей и животных в движении, изображают целые сцены и даже несколько независимых сцен на одном куске коры. У них встречается то, что Л. Адам называет картографическим стилем. Мы упомянули о нем выше в связи с рисунком на коре из Виктории. Эти своего рода планы или карты местности, в которых, однако, все объекты изображены в профиль, представляют собою разновидность примитивного реализма.

Л. Адам пишет, что художникам ингура не всегда удается удачно заполнить декоративные пространства их живописных композиций.³⁷ Однако надо признать, что картина из нашей коллекции обнаруживает замечательное заполнение декоративного пространства, уравновешенное, цельное, с чувством меры; в ней гармонически сочетаются рисунок и форма «холста», силуэт рисунка и незаполненное пространство. Это образец успешного разрешения композиционной задачи примитивным художником.

Рисование на коре в Арнхемленде практикуют в настоящее время племена побережья, обращенного к северу и востоку, т. е. к Новой Гвинее. В прошлом это искусство было знакомо и многим другим австралийским племенам. Папуасы некоторых районов Новой Гвинеи также рисуют

³⁷ L. A d a m, 1951, стр. 182—184.

на простых или сшитых вместе, чтобы получить большее пространство, листах коры. Особенно славится этим искусством область р. Сепик, где большинство таких картин тоже сделано на стенах домов.³⁸ Можно ли рисование на листах коры, образующих стены и потолки хижин австралийцев, объяснять культурными связями между Новой Гвинеей и Северной Австралией? Учитывая древность этого искусства в Австралии и его существование в прошлом у аборигенов Тасмании, можно предполагать, что оно возникло здесь независимо, или же, во всяком случае, можно рассматривать это искусство юго-восточной Австралии в плане культурных (а возможно, и этнических) связей между Австралией и Тасманией, для чего имеются и другие основания.³⁹

М о д е л ь л о д к и

Колл. № 6254-2. Игрушечная модель лодки-долбленки, однодеревки (рис. 2, а, б). Имеет четыре сиденья, два весла, мачту, не укрепленную в лодке, и веревку с куском дерева на одном конце и колышком на другом. Внутри и снаружи украшена разноцветным решетчатым орнаментом и поперечными полосами. Так же орнаментированы весла. Цвета орнамента — черный (фон), красный, белый и желтый. Нос и корма окрашены в желтый цвет.

Длина модели лодки 38.5 см, ширина 5 см, высота 3 см. Длина весел 15 и 16 см. Длина мачты 27.5 см.

Два главных типа лодок на Гроуте Эйландт — это лодки, выдолбленные из одного ствола дерева, имеющего мягкую древесину, и оба они называются *лива-лива*.⁴⁰

Первый тип, — лодки, которые используются только в прибрежных водах. Они, как правило, невелики и вмещают от трех до четырех человек. Нос и корма у этих лодок, как и у нашей модели, мало различаются по величине и форме и обычно вертикальны (в отличие от модели). Второй тип — лодки, на которых аборигены выходят в открытое море. Ингура имеют преимущественно этот тип лодок. Это большие лодки, способные вместить от восьми до двенадцати человек. Нос у них много больше, чем корма. На лодке устанавливается мачта, употребляются паруса и весла. В лодку кладется несколько камней для балласта. Длинный канат прикрепляется к одному из них и к основанию мачты или сиденью около носа и служит в качестве якоря.⁴¹ Это объясняет назначение веревки, которой снабжена наша модель. Может быть кусок дерева означает камень, а конец с колышком прикрепляется к лодке, а может быть с его помощью лодка привязывается к берегу. Возможно, наконец, что это игрушечный гарпун с копьём на одном конце веревки и поплавком (куском дерева) на другом; гарпуны на Гроуте Эйландт снабжаются поплавками. Трудно сказать, какой из двух типов лодок изображает наша модель, но скорее второй.

³⁸ Там же, стр. 185. (Фотографии изображений на коре из Новой Гвинеи можно видеть, например, в кн.: M. Leenhardt. Folk art of Oceania. New York, 1950 стр. 35, рис. 15; F. Newicker and H. Tischner. Oceanic Art. New York, 1954, табл. 1).

³⁹ Рисование на коре, образующей стены жилища, можно встретить не только у австралийцев или папуасов. А. П. Окладников рассказал мне, что в районе Жиганска, на реке Лене, он видел рисунки углем на внутренней стороне листов берестяной коры, покрывающей чум.

⁴⁰ Название это распространено по берегам Арихемленда в варианте *липпа-липпа*.

⁴¹ N. B. Tindale, 1925—1926, стр. 103—104. Далее описывается изготовление деревянной лодки. На стр. 109—110 — снаряжение лодки, установка паруса и управление лодкой.

Процесс изготовления лодки, описанный Н. Тиндалем, представляет большой, но специальный интерес. Лодки не украшаются, иногда только нос и корма поверх ватерлинии окрашиваются в ярко-красный цвет.

В детях с ранних лет пробуждается взрослыми интерес к мореплаванию. Среди других игрушек они имеют модели лодок, которые делаются для них, когда они достигают возраста от шести до семи лет. Некоторые из этих моделей, подобно нашей, богато украшены. Перед нами, очевидно, такая же игрушечная модель.

Ингура, жители острова, окруженного морем, — хорошие мореплаватели. Многочисленные острова к северу и западу от о. Гроде Эйлант периодически посещаются ими в поисках черепаховых и птичьих яиц. В безлунные ночи они избегают продолжительных морских поездок, хотя охотятся на дюгоней и в темные ночи, если море спокойно и фосфоресцирует.⁴²

Помимо деревянных лодок, ингура делают лодки из коры. Этот тип лодок имеет большую древность и может быть предшествовал деревянным. Его упоминает еще Флиндерс (1814 г.). Известно, что на о. Бэсерст, например, где лодки теперь делаются из дерева, прежде они делались из коры. По-видимому, деревянные лодки были введены на о. Бэсерст индонезийцами.⁴³ Контакт с индонезийцами, по мнению Д. Дэвидсона, Р. и К. Берндт и других исследователей, обязаны северные прибрежные племена Австралии введением лодок, выдолбленных из древесных стволов.⁴⁴ Это утверждают и сами аборигены.⁴⁵ Однако выдолбленные лодки имели племена, живущие вдоль рек Муррей и Дарлинг. Возможно, изготовление деревянных лодок наряду со сплывшими из коры было знакомо австралийцам с глубокой древности. Контакт с индонезийцами и аборигенами южного берега Новой Гвинеи способствовал усовершенствованию однодеревов, появлению паруса. Под влиянием Новой Гвинеи на лодках п-ва Йорк появился балансир, или противовес (один или два). Папуасская культура проникла сюда через острова Торрессова пролива. Употребление двух балансиров распространилось отсюда в залив Карпентария. Вместе с балансиром и гарпуном проникли в залив Карпентария и некоторые другие черты культуры южнобережных папуасов.

Весла на Гроде Эйлант (их предпочитают делать из кипариса) нередко украшаются красками.⁴⁶ Нам уже известно, что обычай расписывать весла имеется на северо-востоке Арихемленда, в Джирркалла. С другой стороны, точно такой же обычай отмечен в районе Кернса, восточное побережье Квинсленда. Подобно орнаменту на других местных предметах, орнамент на веслах здесь состоит из условных изображений различных тотемов.⁴⁷ В материальной культуре района Кернса мы находим ряд особенностей, некоторые из которых не встречаются нигде больше в Австра-

⁴² Там же, стр. 111.

⁴³ W. H a r n e y. Life among the aborigines. London, 1957, стр. 77—78.

⁴⁴ D. S. D a v i d s o n. The Chronology of Australian Watercraft. The Journ. of the Polynesian Soc., vol. 44, N 173, 1935; R. and C. B e r n d t. The first Australians. New York, 1954, стр. 40; D. F. T h o m s o n. Notes on some primitive watercraft in Northern Australia. Man, vol. 52, 1952, January.

⁴⁵ B. S p e n c e r and F. G i l l e n. The Northern Tribes of Central Australia. London, 1904, стр. 680.

⁴⁶ N. T i n d a l e, 1925—1926, стр. 112. Там же описаны приемы гребли, в том числе при охоте на морских животных. Орнаментированные весла можно видеть на табл. 12.

⁴⁷ U. N. M c C o n n e l. Inspiration and Design in Aboriginal Art. Art in Australia, N 59, 1935; D. S. D a v i d s o n, 1937, стр. 58—59. На стр. 59, рис. 41, — орнаментированные весла из района Кернса.

лии, хотя раскрашенные весла мы встречаем еще в двух местах Австралии, на ее северном побережье. (В Джирркалла на веслах также изображаются тотематические символы). Орнаментация весел резным орнаментом известна во многих частях мира (лучший пример — Полинезия), но красками — очень редкое явление (известное, однако, в Меланезии, например на Соломоновых островах, но на церемониальных веслах).

Деревянные долбленые лодки *лива-лива* фигурируют на многих рисунках на коре о. Гроте Эйландт. На одном из таких рисунков изображена лодка под парусом индонезийского типа и в ней пять человек.⁴⁸ Среди пещерных рисунков соседнего с о. Гроте Эйландт о. Чазм можно видеть лодки, в которых изображены два человека, один гребет веслом, другой гарпуном убивает дюгоня или рыбу (от охотника до животного тянется линия, изображающая веревку) или оба гребут, каждый одним веслом.⁴⁹ На этих рисунках многократно изображен способ охоты на крупную рыбу, черепах и дюгоней. Их пронзают копьем, снабженным отделяющимся наконечником, к которому привязана длинная леса. Когда животное ныряет, наконечник с зубцами отделяется от древка. Иногда аборигены пронзают свою жертву двумя или тремя копьями, каждое с привязанной к нему лесой, как это и изображено на пещерных рисунках.⁵⁰

Гуделки

Колл. № 6254-3. Деревянная, овальная, плоская (рис. 3, а, б). На одной стороне вырезаны стилизованные очертания человеческого лица. Орнаментирована белыми, желтыми и красными штрихами и — на обратной стороне — поперечными полосками и перекрещивающимися линиями по черному фону. Красным и белым цветом обозначены очертания лица. На одном конце — отверстие, к которому привязан шнур; при его помощи гуделку вращают. Длина гуделки 22 см, наибольшая ширина 6 см.

Колл. № 6254-4. Деревянная, продолговато-овальная, слегка выпуклая (рис. 4). С обеих сторон орнаментирована перекрещивающимися линиями белого, красного и желтого цвета, ритмически повторяющимися по черному фону. На одном конце — отверстие, к которому привязан шнур. Длина гуделки 29.5 см, наибольшая ширина 4 см.

Из двух гуделок нашей коллекции, естественно, сразу же привлекает внимание первая. Она поражает своей необычностью, тем более что антропоморфные изображения на таких ритуальных и родственных между собой предметах, как гуделки и чуринги, являются в Австралии чрезвычайной редкостью. Нам известны многочисленные изображения людей и человекообразных существ только в резьбе, графике и живописи на скалах и на коре. Мы знаем, что объемные деревянные антропоморфные скульптуры из Джирркалла (северо-восточный Арnhemленд) представляют собою почти исключительное явление в австралийском искусстве и заставляют предполагать какое-то влияние со стороны, может быть из Новой Гвинеи, хотя они и тесно связаны с местной мифологией и церемониальной жизнью. Все это и вместе с этим бросающееся в глаза сходство нашей гуделки с антропоморфными изображениями на ритуальных предметах Новой Гвинеи привело к мысли о прямом влиянии последних на первую. Что же касается орнамента гуделок, то он типичен для Гроте Эйландт и, как мы знаем, является вариантом геометрических орнаментов Арnhemленда.

⁴⁸ С. Р. Mountford, 1956, табл. 32В.

⁴⁹ Там же, стр. 103, рис. 8.

⁵⁰ Там же, стр. 102.

Свои предположения я высказал д-ру Л. Адаму, который ответил мне следующее: «Вы правы, рассматривая эту гуделку с антропоморфным изображением как очень необычную. Стил, в котором она разрисована, все эти маленькие штрихи или черточки показывают, что она была сделана в Арнхемленде, в Джирркалла или Милингимби, или, по крайней мере, — если она сделана на Гроде Эйландт — под влиянием художников из Джирркалла или Милингимби. Это влияние сильно на Гроде Эйландт. Этот стил я называю «филигранным». . . Антропоморфные изображения, конечно, очень редки среди ритуальных предметов австралийских аборигенов. Ваш образец почти несомненно обязан влиянию с Новой Гвинеи, как Вы и предполагаете».

Наша гуделка не является единственным случаем антропоморфных изображений на Гроде Эйландт. Аборигены Гроде Эйландт вырезали элементарные лица с глазами, носом и ртом на священных столбах церемонии *аравальт* (см. выше).⁵¹ Однако черты человеческого лица на этих столбах исполнены в большинстве случаев очень примитивно.⁵² Лицо на гуделке из коллекции МАЭ стоит по исполнению значительно выше. Кроме того, его делает очень выразительным раскраска разноцветными полосами и штрихами. Другие примеры антропоморфных изображений на острове нам неизвестны. Находится ли наша гуделка в какой-либо связи с изображениями на столбах церемонии *аравальт*? Мы не можем с уверенностью ответить на этот вопрос, но все же названные объекты очень различны и выполняют, по-видимому, различные функции в ритуальной жизни племени. Функция гуделок у многих австралийских племен была изучена. Как у восточноавстралийских, так и у центральноавстралийских племен гуделки связывались с той или иной формой инициации, посвящения мальчиков, и их звук, устрашающий женщин, детей и всех непосвященных, должен был изображать голос какого-либо мифического существа, патрона инициаций, предка или духа.⁵³ Приблизительно то же имело место в Западной Австралии.

Аналогичную функцию выполняют гуделки в Меланезии и Новой Гвинее. Объективация свойств воображаемого существа в гуделке становится причиной применения ее в магии, например любовной или охотничьей.⁵⁴ Эта вторая ее функция является, как мне кажется, производной. Есть все основания полагать, что функции гуделок в Арнхемленде (и в том числе на Гроде Эйландт) — те же, что и в других местах, где они существуют.

Выше говорилось о том, что гуделки и чуринги являются родственными между собой предметами. Несмотря на это, их надо точно различать. Те и другие имеют свои особые, специфические функции. Предпочтительнее называть гуделкой только предмет, употребляемый как звучащий инструмент, что имеет свои основания. Этот признак отличает гуделки от таких различных священных предметов, как чуринги. Между тем в литературе нет точного разграничения между гуделками и чурингами, и это приводит к некоторому смешению понятий. Их не разграничивают достаточно четко Спенсер и Гиллен в книге «Арунта», в главе о чурингах. Ту же ошибку повторяет и А. Элькин.⁵⁵ Такое разграничение позволяет

⁵¹ С. Р. Mountford, 1956, стр. 448.

⁵² Там же, табл. 12А и 12Д, стр. 43.

⁵³ В. Spencer and F. Gillen. The Arunta, vol. I. London, 1927, стр. 99—100.

⁵⁴ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 32.

⁵⁵ Там же, стр. 170.

нам сблизить функционально гуделки из Австралии и Новой Гвинеи, где чуринги почти не встречаются (известен лишь один случай, отмеченный П. Вирцем). Возможно, что между австралийскими и новогвинейскими гуделками имеется и генетическая связь.

Антропоморфным изображениям на ритуальных предметах посвящено исследование Л. Адама.⁵⁶ Вообще они очень редки в Австралии (в отличие от Новой Гвинеи). Л. Адам отмечает, что начатки пластики мы находим как в Кимберли, так и в Арнхемленде, и в обеих областях скульптуры антропоморфны. В Кимберли человеческие фигуры играют важную роль в церемонии *горанара*.⁵⁷ Ритуальные скульптуры из Северо-Восточного Арнхемленда занимают важное место в общественной жизни племени.⁵⁸ Они отличаются от многих других ритуальных объектов стремлением изобразить человеческую фигуру и особенно лицо. Условное изображение человеческого лица с помощью раскрашивания и углублений на месте глаз, ноздрей и рта сближает их с гуделкой из Гроуте Эйландт из нашей коллекции (№ 6254-3). Близость отмечается и в предмете изображения, так как фигуры изображают «предков и духов», в том числе *вуратилагу*, «женский дух» у аборигенов о. Гроуте Эйландт. Несомненно, что на нашей гуделке тоже изображен один из духов или мифических существ о. Гроуте Эйландт.

Антропоморфные изображения на столбах, применяемых на Гроуте Эйландт в церемонии *аравалтья*, более примитивны, чем скульптуры из Арнхемленда (Джиррккала). Мне кажется, что первые находятся под непосредственным влиянием вторых, что вполне возможно, так как и все искусство Гроуте Эйландт испытывает на себе влияние северо-восточного Арнхемленда. Но и в этом случае наша гуделка занимает особое место.⁵⁹

Антропоморфные изображения в виде исключения встречаются на чурингах, гуделках и ритуальных досках в Западной Австралии, но они совершенно иного стиля, чем изображения на гуделке с о. Гроуте Эйландт. Человеческие существа на большинстве из них изображены во весь рост.⁶⁰ В работе Л. Адама мы видим такое антропоморфное (женское) изображение с подковообразным ореолом или украшением вокруг головы на гуделке из Северо-Западной Австралии.⁶¹ Маленькие гуделки этого типа применяются в любовной магии. У Л. Адама приведено еще несколько изображений человека на гуделках и длинных досках,⁶² может быть ритуального назначения (последние ранее были опубликованы Дэвидсоном). Все они из Северо-Западной Австралии, т. е. отсюда же, где мы находим и группу изображений, связанных с церемонией *горанара*.

Л. Адам интерпретирует некоторые геометрические мотивы на разных объектах как антропоморфные. Все его примеры взяты также из Северо-Западной Австралии.⁶³ Исключением являются человеческие фигурки

⁵⁶ L. A d a m. Anthropomorphe Darstellungen auf australischen Ritualgeräten, *Anthropos*, t. 53/1—2, 1958 (в дальнейшем: L. A d a m, 1958).

⁵⁷ E. W o r m s. Die Goranare—Feier im australischen Kimberley. *Annali Lateralensi*, 6, 1942, стр. 207—235.

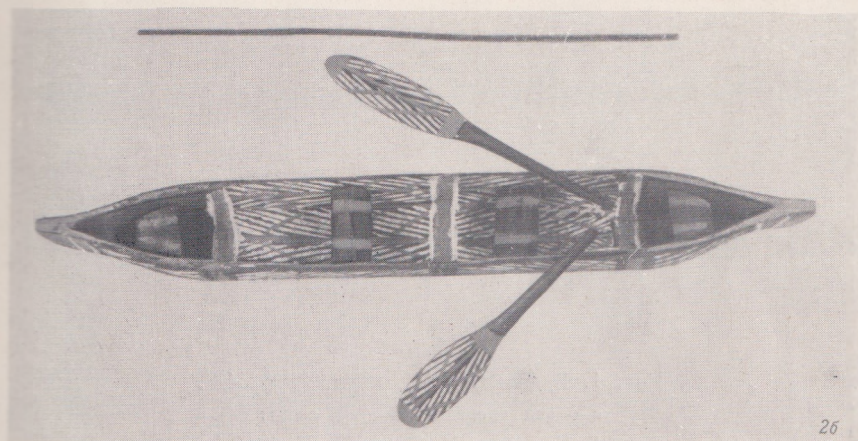
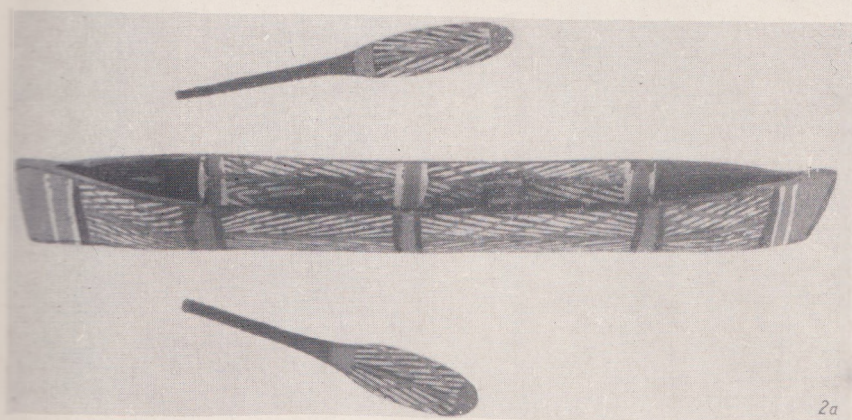
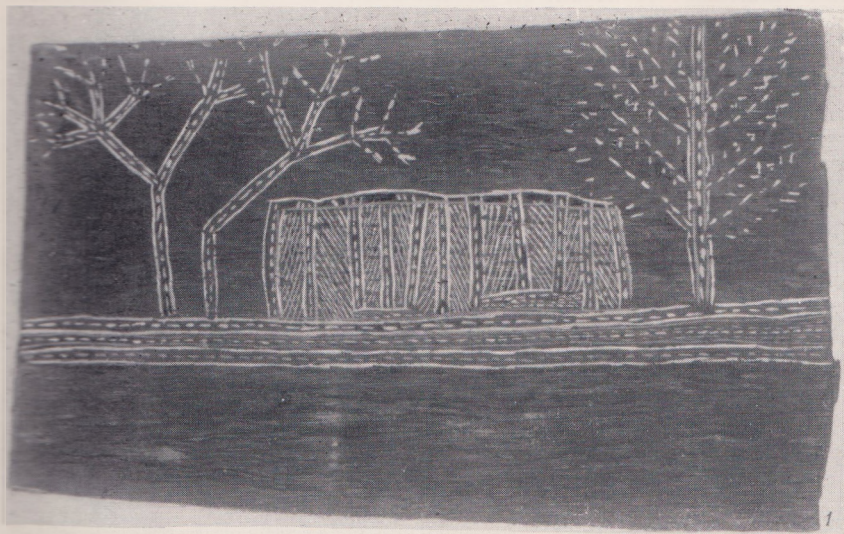
⁵⁸ R. and C. B e r n d t. Sacred figures of ancestral beings of Arnhem Land. *Oceania*, vol. 18, N 4, 1948, стр. 309—326.

⁵⁹ Антропоморфные изображения на столбах с о. Гроуте Эйландт находят параллель в антропоморфных изображениях на столбах у енисейских кетов, в Сибири. Первые отличаются от последних многоцветным геометрическим орнаментом.

⁶⁰ Примеры можно видеть в кн.: D. S. D a v i d s o n, 1937.

⁶¹ L. A d a m, 1958, стр. 9, рис. 1. О других экземплярах с антропоморфными изображениями из Северо-Западной Австралии автор пишет на стр. 9—10.

⁶² Там же, рис. 2, 3, 4 и 5.

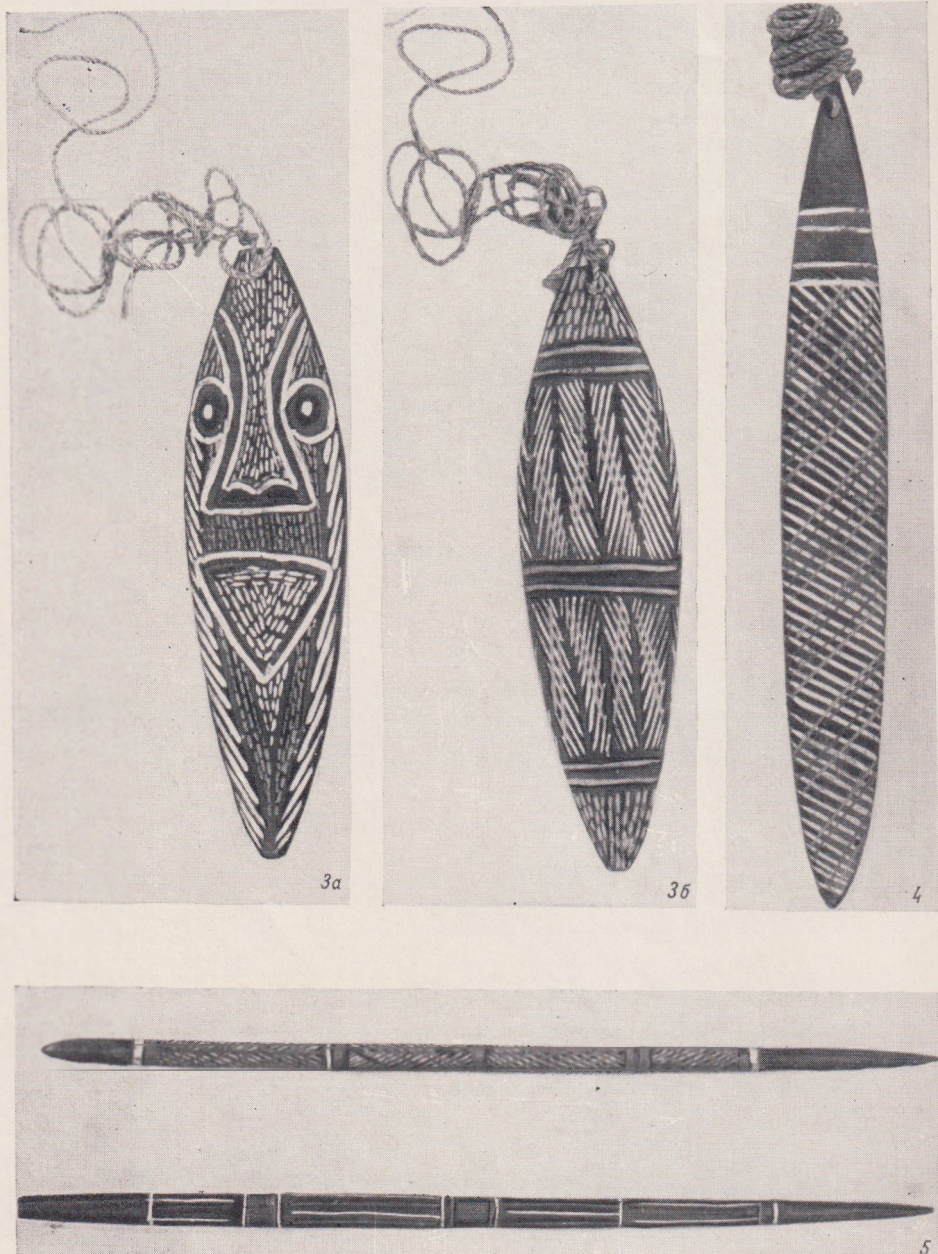

Т а б л. 1.

Рис. 1. Рисунок на коре. МАЭ, колл. № 6254-1.

Рис. 2. Модель лодки. МАЭ, колл. № 6254-2.

а — вид сбоку; б — вид сверху.

Т а б л. 2.

Рис. 1. Гуделка. МАЭ, колл. № 6254-3.

а — вид спереди; б — вид сзади.

Рис. 2. Гуделка. МАЭ, колл. № 6254-4.

Рис. 3. Обрядовые палочки. МАЭ, колл. №№ 6254-56 (54-29-6) нижняя (верхняя).

на старом щите из Виктории.⁶⁴ Это не случайно. Антропоморфные изображения на ритуальных предметах такого типа, как гуделки, чуринги и ритуальные доски, мы находим именно здесь, на северо-западе, и стиль этих изображений заметно отличается от стиля нашей гуделки. В то же время последний близок к стилю изображений на многих ритуальных предметах из Новой Гвинеи.

В своей работе Л. Адам специально занимается новогвинейскими параллелями. Он присоединяется к Ф. Д. Маккарти, когда тот говорит об «австрало-новогвинейской области».⁶⁵

Гуделки относятся к общим культурным особенностям этой древней области. Л. Адам пишет о совпадениях в форме и орнаментации, которые наблюдаются у гуделок из Австралии и Новой Гвинеи. «Морфологические элементы (Einzelheiten), общие Папуа и восточной Австралии, указывают на их общее происхождение, так что они или принадлежат к древней «австрало-новогвинейской» области, или были импортированы в Австралию».⁶⁶ В то же время, говоря об австралийских изображениях, которые иллюстрируют его работу, Л. Адам не находит в них признаков влияния Новой Гвинеи. Речь идет прежде всего об изображениях из Северо-Западной Австралии. О нашей гуделке с о. Гроде Эйландт мы можем сказать, что, принадлежа как тип к характерным «прото-австралийским» культурным чертам «австрало-новогвинейской» области, она свидетельствует в то же время о продолжающемся непосредственном влиянии культуры Папуа в Северной Австралии.

Длительные культурные связи между Новой Гвинеей и Северной Австралией сказались во многих аспектах материальной культуры последней. Примеров можно было бы привести немало. Укажем, в частности, на гарпун, позаимствованный австралийцами и широко применяемый в настоящее время. Изображение гарпуна находим в петроглифах о-вов Гроде Эйландт и Чазм в заливе Карпентария. В области искусства влияние Новой Гвинеи ощущается в антропоморфных изображениях Северной Австралии. Другим примером непосредственного влияния Новой Гвинеи является, как мне кажется, обычай раскраски человеческих черепов, который встречается в Арnhemленде. Один из исследователей пишет: «Искусство современного Арnhemленда находится под сильным влиянием искусства Индонезии и, возможно, Новой Гвинеи, так же как полуостров Йорк находится под влиянием искусства о-вов Торресова пролива и Папуа».⁶⁷

С востока Арnhemленда, где мы находим многие своеобразные черты в искусстве и культуре, распространяются культы Старой женщины или «Великой матери», т. е. Кунапипи (от устья р. Ропер), Джунггаваул (с северо-востока от Джирркалла), сестер Ваувелак (от Милингимби), Лайнтьюнг (от Блю Мад Бэй). Распространение этих культов с востока видно из карты, приложенной к книге А. Элькина и супругов Берндт «Искусство в Арnhemленде».⁶⁸ Вполне возможно, что антропоморфные изображения (фигуры из Джирркалла, гуделка с о. Гроде Эйландт из кол-

⁶³ Там же, рис. 6 — гуделка, рис. 7 — ритуальная доска, рис. 9 — чуринга с двумя изображениями культовых героев, рис. 16 — ритуальная доска, напоминающая гуделку.

⁶⁴ Там же, рис. 13.

⁶⁵ F. D. McCarthy. Aboriginal Australian Material Culture: its composition. Mankind, 2, 1940, стр. 244; L. Adam, 1958, стр. 39.

⁶⁶ Там же, стр. 48.

⁶⁷ F. D. McCarthy. Australian aboriginal decorative art. Sydney, 1956, стр. 58.

⁶⁸ A. P. Elkin and R. a. C. Berndt, 1950.

лекции МАЭ) и некоторые другие особенности искусства Арnhemленда связаны с этими культами и тоже, подобно последним, распространяются с востока в западном, юго-западном и южном направлениях. Может быть здесь сказывается не только влияние Индонезии, как предполагают Р. и К. Берндт, но и влияние Новой Гвинеи, вполне еще не изученное.

Если отвлечься от особенностей орнамента нашей гуделки, свойственного северо-восточному Арnhemленду и Гроуте Эйландт, то сходство антропоморфных изображений на ней и на ритуальных предметах из Новой Гвинеи представляется несомненным. Достаточно их только сравнить, а материал для сравнения из Новой Гвинеи мы можем черпать в любом количестве. Особенно много его в южных прибрежных областях Новой Гвинеи, обращенных к Австралии. Стилизованное лицо, сходное с изображенным на нашей гуделке, — обычная принадлежность многочисленных ритуальных предметов Залива Папуа, южной части Новой Гвинеи. Мы видим его на всех изделиях культового назначения, в том числе на гуделках и «церемониальных» или «мемориальных» досках (или «щитах»), которые содержатся в мужских домах и якобы обладают магической силой. Мы видим его на оружии, на украшениях для лодок, на музыкальных инструментах и на многочисленных предметах мужского обихода. Стилизованное лицо пронизывает все декоративное искусство Залива Папуа.⁶⁹ Наша австралийская гуделка — образец того же стиля, но несколько упрощенного и видоизмененного.

Особенно много материала для сопоставлений мы находим в публикации А. Б. Льюиса, в которой большая часть иллюстраций показывает варианты человеческого лица или фигуры в искусстве Залива Папуа.⁷⁰ Ритуальные предметы со стилизованным лицом в основном бывают сосредоточены здесь в мужском доме (*рави*, *ераво*). Это прежде всего мемориальные доски (*кохе*, или *квои*), которые «служат напоминанием о событиях в жизни их собственника или его семьи», а по другим сведениям, олицетворяют духов мертвых.⁷¹ Все они, хотя и различны и сделаны в разных местах южной Новой Гвинеи (дельта Пурари, округ Элема, Ороколо и т. д.), но имеют антропоморфные изображения одного стиля. Такие же изображения мы находим на орнаментированных щитах (из Керема), на масках, на деревянных мужских поясах, тоже очень разнообразных,⁷² на мужских гребнях, на амулетах, на барабанах, на ложках из кокоса и т. д. Наконец, стилизованное человеческое лицо (глаза, нос, треугольный рот, как у гуделки с о. Гроуте Эйландт) мы встречаем на гуделках из Залива Папуа.⁷³ Характерно, что черты лица на гуделке с о. Гроуте Эйландт предварительно вырезаны, как на новогвинейских гуделках, а потом уже окрашены.

Треугольный рот детальнее изображается как раскрытый рот с зубами. В остальном изображение стилизованного лица повсюду на юге

⁶⁹ Многочисленные иллюстрации см. в кн.: P. Wirz. Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes, Britisch-Neuguinea. Abhandlungen und Berichte der Museen für Völkerkunde zu Dresden, XIX. Leipzig, 1934, табл. 4, 5, 6, 8, 18, 21, 22 (в дальнейшем: P. Wirz, 1934).

⁷⁰ A. B. Lewis. Carved and painted designs from New Guinea. Chicago, 1931 (в дальнейшем: A. B. Lewis, 1931).

⁷¹ R. Linton and P. Wingert. Arts of the South Seas. New York, 1946, стр. 99—100.

⁷² О стилизованном лице на поясах из Залива Папуа см.: A. C. Haddon, 1895, стр. 32—41.

⁷³ A. B. Lewis, 1931, табл. 45 (дельта Пурари); A. B. Lewis. Decorative Art of New Guinea, Incised designs. Chicago, 1925, табл. 43, рис. 3; P. Wirz, 1934, табл. 22 (область Эра и Пурари). См. также гуделку из Новой Гвинеи с антропоморфным изображением: L. Adam, 1958, рис. 17.

Новой Гвинеи сохраняет свой стиль и свои основные элементы: глаза, нос, раскрытый рот.⁷⁴ Весьма характерно, что стилизованное лицо украшает преимущественно предметы мужского обихода — пояса, щиты, оружие, культовые предметы из мужских домов и т. д. По-видимому, оно является апотропеем — символом, устрашающим женщин, детей и всех не посвященных в тайную культовую, мужскую жизнь. Оно связано на Новой Гвинее с мужскими домами, а в Меланезии, где оно тоже встречается, с мужскими союзами.

Безусловно, все это соответствует и тем функциям гуделок, которые они выполняют в жизни австралийского племени. Гуделка из Гроде Эйландт, кроме того, представляет собою совершенно конкретную аналогию, свидетельствующую о влиянии искусства Новой Гвинеи.

Обрядовые палочки

Колл. № 6254-5. Деревянная, слегка уплощенная, заостренная на одном конце (рис. 5, нижняя). Орнаментирована поперечными поясками и продольными линиями красного, желтого и белого цветов по черному фону; концы желтого цвета. Длина 65 см, наибольшая толщина 2.5 см.

Колл. № 6254-6. Деревянная, круглая в сечении, заостренная на концах (рис. 5, верхняя). Орнаментирована поперечными поясками и перекрещивающимися линиями красного, желтого и белого цветов по черному фону. Длина 64 см, наибольшая толщина 2 см.

Отсутствие точных сведений о предметах коллекции вынуждает в целях их интерпретации обращаться к сравнительному материалу. Так мы поступим и в данном случае.

Аналогичные предметы, напоминающие и формой и раскраской наши палочки, мы находим на одной из таблиц в работе Н. Тиндаля, на которой сфотографированы «танцевальные жезлы, миниатюрные церемониальные предметы и палочки для *коробори*» с о. Гроде Эйландт.⁷⁵

Все эти предметы употребляются во время церемоний. На рис. 3, как объясняет Н. Тиндаль, сфотографирован жезл тотема «старой сумчатой крысы (бандикут)». Он имеет длину более 54 см и орнаментирован черными, белыми и желтыми поясками.

В исследовании Н. Тиндаля имеется описание магических и тотемических церемоний, во время которых употребляются различные вырезанные из дерева и раскрашенные ритуальные предметы. Таковы *имудунга*, имеющие удлинненно-овальную форму, плоские, в человеческий рост и выше, формой напоминающие большие гуделки или чуринги. Они покрыты богатым геометрическим орнаментом в типичном для острова стиле.⁷⁶ Орнаментированные жезлы, символизирующие тотемических животных или растения, держат в руках или во рту танцоры — участники тотемических церемоний *амалипа*, т. е. церемоний, имеющих целью испросить у духов увеличения продовольствия.⁷⁷ Они напоминают *имудунга*, но меньшего размера и называются *юмунтунгу*. Нижний конец этих предметов заострен, чтобы их можно было, как это принято во время церемоний, воткнуть в землю. Раскрашены они так же, как и большие *имудунга*.⁷⁸ Некоторые из них напоминают обрядовые палочки из нашей коллекции.

⁷⁴ Гуделка из Новой Гвинеи со стилизованным лицом хранится в Музее антропологии МГУ (колл. № 840-в).

⁷⁵ N. B. Tindale, 1925—1926, табл. 6, рис. 1, 3, 17.

⁷⁶ Там же, стр. 70, рис. 29 и 30.

⁷⁷ Там же, стр. 86—87.

⁷⁸ Там же, стр. 89—90.

Аборигены Джирркалла и Милингимби на северо-востоке Арnhemленда — их культура, как мы знаем, оказала влияние на культуру ингура — делают большое количество предметов для церемоний Джункгао и Мадалаит. Эти два персонажа являются мифическими братом и сестрой. Предметы эти — музыкальные палки Джункгао и Мадалаит, палки-копалки (или трости) Мадалаит и др.⁷⁹ Трость, фотография которой помещена на табл. 134 в работе Маунтфорда, особенно похожа на палочки из нашей коллекции. К сожалению, в работе Маунтфорда нет сведений об аналогичных предметах с о. Гроте Эйландт и их значении в церемониальной жизни островитян.

Между тем церемониальные предметы такого характера употребляются и у других племен Арnhemленда. Таковы священные предметы, используемые во время церемонии *мурайан* у племени какаду.⁸⁰ Все они украшены характерным белым сетчатым орнаментом по красному фону. Эти предметы имеют тотемическое значение и должны изображать животных и растения. Сам Мурайан изображен в виде черепахи. Есть изображение рыб, змей, крокодила и ямса. Ямс, изображенный на табл. 5 в работе Спенсера, — это орнаментированные палочки того же типа, что и палочки из коллекции МАЭ. Они имеют такую же форму. Сетчатый орнамент заполняет всю центральную поверхность, оставляя заостренные концы однотонно окрашенными (рис. 5 и 7). Как объясняет Спенсер, предметы *мурайан* — всегда тотемические животные или растения. «Мурайан племени какаду представляют как бы сущность тотемических животных или растений.»⁸¹

Таким образом, пройдя от Гроте Эйландт на запад вдоль побережья Арnhemленда, мы везде встречаем предметы, которые имеют одинаковую форму, одинаково орнаментируются, и все они употребляются во время церемоний, тотемических и мифологических. Нет сомнения, что и палочки из нашей коллекции, как свидетельствуют их форма и орнамент, представляют собою предметы, используемые в церемониальной жизни племени ингура на о. Гроте Эйландт.

⁷⁹ С. Р. Mountford, 1956, стр. 423. Трость Джункгао и Мадалаит см. на табл. 134.

⁸⁰ B. Spencer. Native tribes of the Northern territory of Australia. London, 1914, табл. 3, 4, 5, 6 и 7.

⁸¹ Там же, стр. 227.